

ОБОНЧИЛСЯ 1959 год, год строительства коммунизма, как определил его Н. С. Хрущев. Эти победы были подготовлены упорным творческим трудом последних лет. Но отразилось ли наше время в своих главных переломках и свершениях в произведениях кино? Смогут ли судить наши потомки по художественным фильмам 1959 года об этих замечательных, веховенных днях?

Внимательно изучая состояние нашего киноискусства, нельзя не увидеть разительного, тревожащего разрыва между жизнью и ее экранным изображением. Именно об этом с беспокойством говорили на недавнем состоявшемся заседании Художественного совета по кинематографии при Министерстве культуры СССР работники кино Москвы, Ленинграда и союзных республик.

Неверно было бы вообще отрицать достижения нашего кино. Успехи есть. Об этом свидетельствуют и первые призы на международных кинофестивалях, и тот резкий количественный скачок, который за последние годы осуществила наша кинематография, увеличив производством фильмов с 5—10 до 100 в год. Но нельзя закрывать глаза на то, что из этих десятков и сотен картин лишь немногие являются произведениями глубокого постижения жизни, большого идейного звучания. Да и эти значительные фильмы в основном посвящены прошлому.

Нет спору, героические традиции революции и Отечественной войны будут жить всегда. Фильмы об этих суровых днях учат нашу молодежь стойкости и самоотверженности.

Но закономерно ли, что большинство лучших наших режиссеров все свое внимание посвящают темам войны, экранная классика? Закономерно ли, что основную тяжесть поисков в современной теме взяли на свои плечи в основном молодые, часто неопытные художники?

Хорошо, что наш зритель увидел, скажем, такие картины, как «Непокоренный», «Людям на мосту». Пусть не во всем эти фильмы учны, но они отмечены серьезным поиском, желанием творчески осмыслить современную действительность.

Однако гораздо больше вышло на экраны произведений, где серьезные вопросы времени решались мелко, ремесленно, где вместо подлинной глубины картины жизни зритель видит ее унылую, бесталенную копию.

Современность — не формальное понятие. Мы видели за последние время достаточно картин, где говорилось и о современном герое, и о колхозном строительстве, где упоминались спутник и реактивный самолет, и все эти красивые слова прикрывали старые, убогие схемы, созданные еще на заре века. Именно такими оказались кинокартины «Первый парень», «Ссора в Лукашах». Такой оказалась и картина «Горячая душа». На первый взгляд, здесь все современно: металлургический завод, мартовский пех, стальные борются за внедрение новейших технологий, прогрессивных методов труда. Но все это только на первый взгляд. То в картине, что вышло, глядело конфликтом старого и нового, по существу, сводится к непониманию, к глупой обиде, к непониманию упрямству начальства цеха и нескольких стальных.

Некоторые деятели кино считают, что этот фильм хотя и не удался его авторам, все же полезен и важен по своей теме, что если бы с самого начала ему было уделено больше внимания, то он получился бы лучше, что, мол, надо начать с таких картин с тем, чтобы потом прийти к хорошим. Глубоко неверная точка зрения! Нельзя разрывая идею и художественное. Невозможно «дотянуть» произведение, которое в основе своей лишено серьезной проблемы, настоящих характеров. И пора понять, что подобные картины дискредитируют большие искания в области современной темы.

Мелкотемье. Это слово за последние время часто произносится применительно к многим произведениям нашего кино. Но нужно ясно дать себе отчет в том, что этим термином определяется не только тот или иной материал, взятый художником, а и глубина или поверхностность его разработки. Можно через историю одной семьи раскрыть закономерности жизни нашего общества, как это было сделано в фильме «Большая семья», и, наоборот, на материале жизни огромного завода создать банальную мелодраму, как это получилось с авторами картины «Горячая душа». Мелкотемье — это прежде всего мелкотемье, как правильно говорили

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 9 (4134)

Четверг, 21 января 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Мерять жизнь большой мерою

ли участники заседания Художественного совета.

Не видя подлинных процессов борьбы, не умея передать истинный драматизм нашей действительности, некоторые кинематографисты сплошь да рядом раздувают конфликты мнимые, лишённые подлинного, жизненного, социального содержания. Как эпидемия, распространилась сюжетная схема: на честного парня или девушку возводят напрасное обвинение. Он или она долго страдают, не могут доказать свою правоту, и, наконец, в финале справедливость торжествует.

Эта ситуация была закономерна в «Деде Румянцеве», где за историей молодого шофера Саша Румянцева вставала тема подлинного товарищества и трусовости шкурничества, гуманного отношения к человеку и казенного бездушия. Она стала банальной схемой в таких фильмах, как «Неправильному верить», «Любовью надо дорожить».

Покалывало, что и мнимо драматические ситуации, и люди с неустроенными судьбами, разбитыми жизнями появлялись на экране не в результате глубокого исследования действительности, а тогда, когда художник эту действительность не может по-настоящему осмыслить. Тогда и рожаются такие поверхностные, иллюзорные картины, как «На ледном берегу Иртыша», где бродит точно выхваченный из мешанки сердцеепательный романов всегда загадочно грустный, лет тридцать страдающий от неразделенной любви главный инженер.

И в фильме бесспорно одаренного молодого грузинского режиссера Т. Абуладзе «Чужие дети» заметно влияние лунного вкуса, чувствуется «литературщина». Героями его фильма владеют неотвратимые страсти. Человек не подвластен самому себе. Все решает эмоциональный порыв. Такое умозаключение невольно делалось из истории машиниста, бросившего своих детей в ушедшего к таинственной роковой женщине.

Но если в «Чужих детях» чувствуешь талант художника, если есть в этом фильме теплые, искренние сцены с детьми, то в таком фильме, как «Янко», также созданный грузинской студией, уже нет ничего, кроме мешанки беззвучности и претенциозности в решении тривиального сюжета о заблудшем и раскаявшемся муже. Вся эта история построена на таких дешёвых противопоставлениях хорошей, добродетельной жены и порочной козлятиницы, что только диву даешься, как подобный фильм мог быть поставлен в 1959 году на советской студии.

Дело, очевидно, в мировоззрении художника, в том, насколько глубоко умеет он видеть, умеет почувствовать и передать красоту времени.

Однако показывать красоту жизни вовсе не значит создавать произведения, в которых будут воскрешаться старые схемы бесконфликтности. Так же, как не могут удовлетворить нашего зрителя неоправданно мрачные произведения, так и не нужны ему сугубо-слащавые фильмы, вроде «Ивана Бровкина на цепях», по которому все сложности освоения целины заключаются, оказывается, в том, успеют ли за одну сутку построить для героя дом со всеми удобствами. Нельзя, чтобы изображение сложных процессов развития жизни, героической борьбы народа за коммунизм подменялось славословием и аллюзией!

С каждым годом увеличивается выпуск кинокартин. Но, радуясь увеличению продукции нашего кино, нам следует ясно отдать себе отчет в том, что целый ряд студий, особенно национальных республик, оказался недостаточно подготовленным к такому резкому скачку.

товленным к такому резкому скачку.

И здесь мы переходим к одной из решающих проблем нашего кино. Этому искусству, растущему изо дня в день, остро не хватает кадров.

Во-первых, кадров сценаристов. У нас есть писатели, понимающие всю важность этого самого массового из искусств. Но есть, как ни грустно в этом признаться, литераторы, выходящие в кино лишь отхожий промысел.

Давно пора Союзу писателей отрешиться от своего традиционного неприятия к кино, увидеть в нем один из самых, если не самый важный участок работы.

Но, конечно, было бы неправильно все беды нашего киноискусства сваливать на писателей. Очень многое зависит от содействия дел на самих студиях, а здесь неблагополучно еще больше. Это и острая нехватка квалифицированной, талантливой режиссуры, это и устаревший порядок производства, при котором ремесленники зачастую чувствуют себя лучше, чем высказанные художники, и отсутствие регулярной творческой помощи работникам периферийных студий со стороны опытных мастеров. Надо надеяться, что Министерство культуры СССР примет безотлагательные меры для быстрого решения этих проблем.

Ведь возможности у нашей кинематографии огромные, и недостатки, о которых говорилось выше, не зачеркивают того важнейшего для развития советского кино обстоятельства, что у нас есть и великие мастера, и талантливые художники. Вспомним хотя бы такие произведения, как «Война и мир», «Тихий Дон», «Судьба человека», «Баллада о солдате».

Разве они не продолжают славы традиций советского кино двадцатых—тридцатых годов?

И нужно, чтобы все наше киноискусство ориентировалось на уровень этих картин, чтобы каждый художник подходил к своей работе с высоты тех требований, которые предъявляет эпоха.

Меряйте жизнь и смерть большой мерою! — говорит устами одного из своих героев Александр Довженко. И этот завет большого мастера нашего кино нам нужно особенно твердо помнить сегодня. Мерять жизнь большой мерою, крупным масштабом, уметь различать в действительности главное, страстно и возмущенно расказывать о нашем современнике, являющемся не извечными человеческой историей путями. — вот что хочется пожелать нашим кинематографистам.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В. И. Ленин выступил с балкона Московского Совета с приветствием перед бойцами коммунистами, отправляющимися на борьбу с Деникиным.

Москва, 18 октября 1919 года (июномар). Из альбома, подготовленного к выпуску Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ЗАКОНЧИЛОСЬ обсуждение состоявшейся литературной критики в печатных органах Союза писателей на расширенном заседании секретариата правления Союза писателей СССР с активом.

На вечернем заседании 18 января с краткими сообщениями о работе критических отделов своих журналов выступили П. Жур («Звезда», Ленинград) и И. Берсон («Корго», Латвия). В развернувшихся затем прениях, которые продолжались и 19 января, приняли участие: С. Гайдар, Е. Мозольков, Е. Кипович, Л. Якимович, В. Дорофеев, Н. Надыр, В. Озеров, И. Султанов, В. Панков, М. Каратаев, Н. Макарова, А. Адамович, Н. Грибачев, Н. Гудали, В. Сучков, В. Назаров, В. Шкловский, Д.-М. Джафаров, В. Жиган, А. Никитин, С. Агабабян, А. Мурадов, Е. Буков.

С заключительным словом выступил секретарь правления Союза писателей СССР Л. Новиченко.

20 января на заседании секретариата был заслушан и обсужден доклад Мирзо Турсун-заде о деятельности Союза писателей СССР в области международных литературных связей.

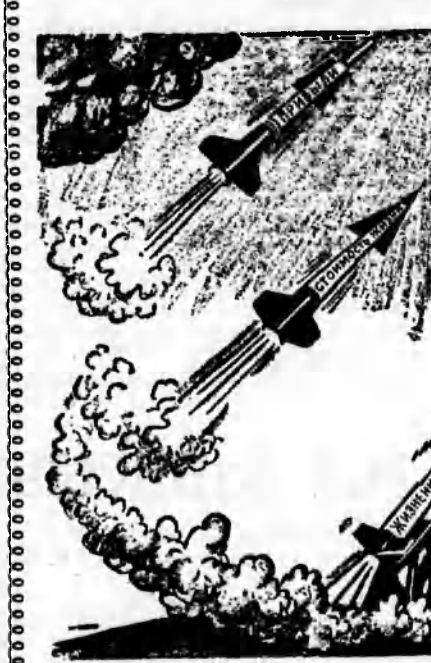
Подробный отчет о расширенном заседании секретариата правления Союза писателей СССР с активом будет опубликован в одном из ближайших номеров газеты.

«Чеховские дни» в Литературном музее

Почти каждый день звучит сейчас чеховское слово в Государственном литературном музее: здесь начались «чеховские дни» — серия вечеров, посвященных столетию со дня рождения великого писателя. Любители творчества А. П. Чехова могут тут услышать его рассказы в исполнении В. Токарева, Н. Эфрон и других. Интересным обещает быть большой вечер «Чехов и МХАТ», который состоится 30 января. В программу «чеховских дней» включены лекции на темы: «Музыка в творчестве Чехова», «О Пушкине в творчестве Чехова», «Чехов и Бунина».

В музее к «чеховским дням» открыта большая выставка.

ВООРУЖЕНИЕ...

— Никан не хочет подниматься!

оня рассчитывали и надеждами? Старый мир поступал по старым рецептам. В произведениях западных военных теоретиков на все лады перепевался известный, можно сказать, классический тезис буржуазных военных теорий, выраженный в свое время Ллойд-Джорджем в его мемуарах: «Есть много путей к достижению победы, но один — путь войны, но один — путь разоружения».

Теперь доказано, что основной ход войны не зависит от случайностей. Трагична будет в случае войны судьба стран, где население не связано с реальными географическими пространствами. Выживают лишь страны с большой территорией, где население рассредоточено на огромных пространствах, подобных землям нашей необъятной Родины. Ничего не может изменить и вероломная внезапность. Недостатки глаза, уши и мозг электронных аппаратов в сочетании с ракетными ответами ударом, подобным вспышке молнии. Не могут помочь и огромные по численности армии. В наше время, в отличие от эпохи Наполеона, когда, по его словам, «бог был на стороне больших батальонов», бог выступает на стороне более мощных ракет.

Человечество встало перед выбором: либо продолжать гонку вооружения, усиливая с каждым днем смертельную опасность, либо прекратить ее и пойти по дороге разоружения. На Западе предпочли первое. Там копили свои бомбы, строили самолеты, обходившиеся дороже, чем если бы их делали из чистого золота. Западные генералы хрипели в спорах о концепциях и доктринах будущей войны, чувствуя зыбкость своих стратегических, точнее, авантюристических замыслов. И опомнились они лишь тогда, когда увидели высоко в небе советские спутники, вознесенные в космос силой могучих ракет. Начал происходить знаменательный поворот более трезвых политиков Запада к признанию идей мирного сосуществования, поворот, ясно наметившийся в связи с поездкой Н. С. Хрущева в Америку. Но, пойдя к признанию неизбежности мирного сосуществования, они хотели остановиться на этом, стараясь не признавать необходимости разоружения. Трудно,

быть не завися от случайностей. Трагична будет в случае войны судьба стран, где население не связано с реальными географическими пространствами. Выживают лишь страны с большой территорией, где население рассредоточено на огромных пространствах, подобных землям нашей необъятной Родины. Ничего не может изменить и вероломная внезапность. Недостатки глаза, уши и мозг электронных аппаратов в сочетании с ракетными ответами ударом, подобным вспышке молнии. Не могут помочь и огромные по численности армии. В наше время, в отличие от эпохи Наполеона, когда, по его словам, «бог был на стороне больших батальонов», бог выступает на стороне более мощных ракет.

Человечество встало перед выбором: либо продолжать гонку вооружения, усиливая с каждым днем смертельную опасность, либо прекратить ее и пойти по дороге разоружения. На Западе предпочли первое. Там копили свои бомбы, строили самолеты, обходившиеся дороже, чем если бы их делали из чистого золота. Западные генералы хрипели в спорах о концепциях и доктринах будущей войны, чувствуя зыбкость своих стратегических, точнее, авантюристических замыслов. И опомнились они лишь тогда, когда увидели высоко в небе советские спутники, вознесенные в космос силой могучих ракет. Начал происходить знаменательный поворот более трезвых политиков Запада к признанию идей мирного сосуществования, поворот, ясно наметившийся в связи с поездкой Н. С. Хрущева в Америку. Но, пойдя к признанию неизбежности мирного сосуществования, они хотели остановиться на этом, стараясь не признавать необходимости разоружения. Трудно,

Глядя фактам в лицо

Об угрозе, заключенной в боеголовках атомных и водородных бомб, писали и говорили немало. В атмосфере военной истерии на Западе фантазия некоторых военных писателей приобрела прямо-таки апокалиптический характер. Французский генерал Шаппан писателю о конце третьей мировой войны: «...И тогда над последней грудой человеческих трупов сапка питекантропа скажет своему спутнику: «Что же, начнем мировую историю сначала!»

Но подобные причитания не мешали западным политикам толкать мир по гибельному пути гонки вооружения. На что

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Закон о возвращении

Закон о возвращении миллионов двухсот тысяч крепких, сильных парней из армии к семьям, к труду...

И все же через несколько дней после принятия Верховным Советом этого Закона — новое событие: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения в СССР».

Значительная часть средств, которые выделяет наша страна в результате нового сокращения вооруженных сил, будет обращена на повышение благосостояния советских людей, в том числе на улучшение медицинского обслуживания.

Удивительно точен в постановлении выбор главных проблем, давно волновавших нас, врачей. Самое важное — строительство тысяч крупных больниц в городах и селах.

Мне часто приходится бывать в Новосибирске, в городе, где будет работать наш Институт экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии наук. За последние годы Новосибирск очень вырос. Население значительно увеличилось, а новых больниц мало. Не в одном Новосибирске врачи жаловались на «колючий голод».

616 тысяч новых больничных коек будет развернуто за семилетие по решению партии. Это значит, что каждый больной, нуждающийся в стационарном лечении, будет им обеспечен.

До сих пор на селе было мало микроскопических стационаров на 15—25 коек. На определенном этапе они сыграли

Е. Н. МЕШАЛКИН

профессор, директор Института экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии наук СССР

свою роль. Но медицина выросла. На таких 15-кочных «пяткачах» трудно работать на уровне современной науки.

Я много лет занимаюсь грудной хирургией — хирургией легких, сердца и крупных кровеносных сосудов. «Пионером» новой отрасли науки были воспитаны десятки молодых хирургов, но до последнего времени грудная хирургия развивалась только в клиниках крупнейших центров страны.

Как бы ни были велики достижения, накопленные новой отраслью медицины, они только тогда в полной мере служат людям, когда знания и оперативная техника становятся достоянием многих сотен врачей и служат десяткам тысяч больных.

Современная медицина требует совершенного оборудования. При создании которого применяются достижения радиоэлектроники и ядерной физики.

До сих пор, исследуя больного, врач доверял собственным глазам, ушам и пальцам, осязая тело пациента. В наше время техника созданных приборов, регистрирующих тонкие физические и химические изменения, созданы сложнейшие кибернетические устройства. Настало время сделать кибернетику помощницей медицинской науки.

Перед операцией на сердце необходимо подробно исследовать организм больного. Когда закончатся так, как волнует о родном человеке!

То, что вчера волновало меня и моих товарищей, ныне решено. По-хорошему подсчитаны задания промышленности по выпуску приборов и аппаратов, по изготовлению антибиотиков, тетрациклинов, коллимидина, мишерина.

В крупных больницах, которые будут создаваться теперь в городах и районах, в сельских, больных ставших в нут лечить врачи всех специальностей. Я верю, что и грудная хирургия в самом близком будущем станет распространенным и доступным видом помощи.

Разве это не замечательно, что о здоровье людей постоянно заботятся Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство, что все люди беспечно о здоровье товарища так, как волнует о родном человеке!

Приветствие М. В. Исаковскому

Дорогой Михаил Васильевич!

Приветствие Союза писателей СССР в день Вашего шестидесятилетия горячо приветствует и сердечно поздравляет Вас — выдающегося русского поэта, крупного мастера советской поэзии, главного представителя старшего поколения значительных и мастеров нашей литературы.

Весь свой замечательный талант отдали Вы служению Советской Родине и уже более 35 лет вдохновенным поэтическим словом участвуете в ее труде и борьбе за счастье человечества. Выйдя из самых глубин народной души, хорошо зная ее жизнь и грядущее, Вы с неслыханной силой и выразительностью раскрыли в своих стихах широту богатства национального характера русского советского человека, ярко и впечатляюще воспедали «золотые руки» народа-творца, создающего новую жизнь, народа-воина, в смертельных боях с врагами отстоявшего свои завоевания.

Ваше творчество стало одним из лучших примеров продолжения и развития высоких художественных традиций русской классической поэзии. Проникновенные Ваши стихи — образцы зрелости поэтической мысли, неповторимого своеобразия и стилистической ясности формы. Как высокохудожественные произведения, они по достоинству входят в наши хрестоматии и учебники, любовно и признательно встречают их широчайшие массы читателей.

Миллионы людей на земле ждут Ваши замечательные песни, полные задумчивости, чувства, глубокого лиризма, светлого народного юмора. Ваши песни стали

«спутниками» миллионов человеческих судеб, они вдохновляют соотечественников, укрепляют интернациональное братство трудящихся в борьбе за мир и социализм.

Много энергии отдаете Вы благородному делу развития братских литератур народов СССР. Ценным вкладом во взаимное обогащение нашей многонациональной советской поэзии являются созданные Вами превосходные переводы на русский язык многочисленных произведений крупнейших белорусских и украинских поэтов. По верности оригиналу и высокой художественности Ваши переводы служат образцом поэтического труда, плодотворно способствующего задаче эстетического воспитания народа.

Подлинная народность, идея глубина и художественность Вашего творчества по праву снискали Вам — дважды лауреату Сталинской премии — добрую славу большого и всестороннего художника слова. Ваше имя, имя поэта-коммуниста, широко популярно и уважаемо еще и потому, что свою творческую работу Вы сочетаете с государственной и общественной деятельностью в качестве депутата Верховного Совета РСФСР, члена правлений Союзов писателей РСФСР, члена правления Московской Федерации Писателей Российской Федерации. Писательская общественность высоко признавала Вам и за то, что в течение многих лет неуклонно и требовательно занимаетесь Вы воспитанием молодых поэтических кадров, передавая им свой богатейший творческий опыт.

Спасибо Вам, наш верный соратник и друг, за большой вклад, внесенный в советскую поэзию! От всей души желаем Вам и дальше, дорогой Михаил Васильевич, крепкого здоровья, неистощимых сил и бодрости, новых больших творческих успехов на благо нашей родной советской литературы!

Миллионы людей на земле ждут Ваши замечательные песни, полные задумчивости, чувства, глубокого лиризма, светлого народного юмора. Ваши песни стали

«спутниками» миллионов человеческих судеб, они вдохновляют соотечественников, укрепляют интернациональное братство трудящихся в борьбе за мир и социализм.

Много энергии отдаете Вы благородному делу развития братских литератур народов СССР. Ценным вкладом во взаимное обогащение нашей многонациональной советской поэзии являются созданные Вами превосходные переводы на русский язык многочисленных произведений крупнейших белорусских и украинских поэтов. По верности оригиналу и высокой художественности Ваши переводы служат образцом поэтического труда, плодотворно способствующего задаче эстетического воспитания народа.

Подлинная народность, идея глубина и художественность Вашего творчества по праву снискали Вам — дважды лауреату Сталинской премии — добрую славу большого и всестороннего художника слова. Ваше имя, имя поэта-коммуниста, широко популярно и уважаемо еще и потому, что свою творческую работу Вы сочетаете с государственной и общественной деятельностью в качестве депутата Верховного Совета РСФСР, члена правлений Союзов писателей РСФСР, члена правления Московской Федерации Писателей Российской Федерации. Писательская общественность высоко признавала Вам и за то, что в течение многих лет неуклонно и требовательно занимаетесь Вы воспитанием молодых поэтических кадров, передавая им свой богатейший творческий опыт.

Спасибо Вам, наш верный соратник и друг, за большой вклад, внесенный в советскую поэзию! От всей души желаем Вам и дальше, дорогой Михаил Васильевич, крепкого здоровья, неистощимых сил и бодрости, новых больших творческих успехов на благо нашей родной советской литературы!

Миллионы людей на земле ждут Ваши замечательные песни, полные задумчивости, чувства, глубокого лиризма, светлого народного юмора. Ваши песни стали

«спутниками» миллионов человеческих судеб, они вдохновляют соотечественников, укрепляют интернациональное братство трудящихся в борьбе за мир и социализм.

Много энергии отдаете Вы благородному делу развития братских литератур народов СССР. Ценным вкладом во взаимное обогащение нашей многонациональной советской поэзии являются созданные Вами превосходные переводы на русский язык многочисленных произведений крупнейших белорусских и украинских поэтов. По верности оригиналу и высокой художественности Ваши переводы служат образцом поэтического труда, плодотворно способствующего задаче эстетического воспитания народа.

Подлинная народность, идея глубина и художественность Вашего творчества по праву снискали Вам — дважды лауреату Сталинской премии — добрую славу большого и всестороннего художника слова. Ваше имя, имя поэта-коммуниста, широко популярно и уважаемо еще и потому, что свою творческую работу Вы сочетаете с государственной и общественной деятельностью в качестве депутата Верховного Совета РСФСР, члена правлений Союзов писателей РСФСР, члена правления Московской Федерации Писателей Российской Федерации. Писательская общественность высоко признавала Вам и за то, что в течение многих лет неуклонно и требовательно занимаетесь Вы воспитанием молодых поэтических кадров, передавая им свой богатейший творческий опыт.

ВЕЛИКИЙ ПРИЗЫВ РАЗУМА И НЕОБХОДИМОСТИ

Н. МОЛЧАНОВ

очень трудно старому миру отрешиться от своих дряхлых идей, вроде таких, например, некоей священной истины: «война — естественное состояние», «мир возможен только на кладбище». Они не хотят, да, пожалуй, и не могли представить себе иных условий для мира на земле.

И вот страна, у которой была реальная возможность действовать «с позиции силы», предпочла выступить с позицией разума и гуманизма. Величие советской миролюбивой политики вновь предстало перед всем миром в знаменательные дни январской сессии Верховного Совета.

С позиции разума и гуманизма

В свое время амстердамские ювелиры преподнесли в дар комиссии Лиги Наций по разоружению серебряный молоточек для председателя. Его мелодичный звон порой брел часто засыпавших на нудных бинах дипломатов. На этот раз весь мир вздрогнул так, как будто гигант, изваянный Вручичем, внезапно ожил и с богатырской силой обрушил свой тяжелый молот на сталь огромного меча, превращая его в лемех, сущая земле мир и плодородие...

Мало кто слушал надоевшие бесплодные прения в международных комиссиях по разоружению в Лиге Наций, а потом в ООН. Ведь они никогда не приводили к сокращению армии хотя бы на одного солдата. На этот раз речь шла о действительном распуске миллиона двухсот тысяч солдат! И мир, весь мир слушал эту весть, затаив дыхание. «Заключившаяся сессия Верховного Совета СССР», сообщила агентство Франс Пресс, — безусловно может быть названа исторической».

Разумеется, на Западе сразу же выступили некоторые люди, маскирующие напускным скептицизмом свои корыстные интересы. Они с деланным разочарованием заявили, что речь идет об одностороннем шаге, а не об осуществлении соглашения о контролируемом разоружении. И это говорит то, что сделал все, чтобы сорвать подобное соглашение! В одностороннем характере нового советского мероприятия по сокращению армии как раз и заключается его огромное значение.

Конечно, Советский Союз будет по-прежнему бороться за всеобщее разоружение, и предпринятый им шаг только по-

может переговорам о разоружении. Печальный опыт прошлого говорит, что подобные переговоры имели печальную судьбу, если им сопутствовала гонка вооружений. Вспомним, как высмеял подобные переговоры в одном из своих рассказов Ярослав Гашек. В разгар заседания конференции по разоружению проносятся неожиданный взрыв, от которого делегаты взлетели на воздух. «Дело в том», — пишет чешский юморист, — что в приемной первого этажа представлял динамитной фабрики дожидаясь кое-кого из делегатов конференции по разоружению, чтобы предложить им новое сверхмощное взрывчатое вещество «Вашингтонит». Вынув вместо спичек коробку с образцами, он нечаянно уронил ее — и...»

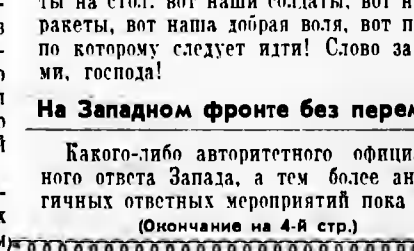
Предстоящие переговоры должны быть успешными. А что может способствовать этому, как не атмосфера доверия и доброй воли, которую создает новый шаг Советского правительства? Советский Союз заранее выказывает карты на стол: вот наши солдаты, вот наши ракеты, вот наша добрая воля, вот путь, по которому следует идти! Слово за вами, господа!

На Западном фронте без перемен

Какого-либо авторитетного официального ответа Запада, а тем более аналогичных ответных мероприятий пока нет. (Окончание на 4-й стр.)

...И РАЗОРУЖЕНИЕ

Рисунки из американских газет «АФЛ-СЮ Ньюс» и «Диспатчер».

Рисунки из американских газет «АФЛ-СЮ Ньюс» и «Диспатчер».

Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине

ГОСУДАРСТВЕННОЕ издательство политической литературы выпускает третью часть сборника воспоминаний о В. И. Ленине. Несколько воспоминаний, публикуемых в книге, печатаются впервые, большинство хотя и печаталось раньше, но стало библиографической редкостью.

Даже знакомые только с этими воспоминаниями, можно живо представить себе грандиозный размах ленинской деятельности, напряженный ритм его рабочего дня, поразительную целеустремленность и в то же время величайшее разнообразие интересов.

Все воспоминания свидетельствуют о неослабевающем интересе Ильича к людям, о пытливом внимании к их мыслям и настроениям. В строки постоянно пополняют свои представления об окружающей жизни.

Ходок-крестьянин, учитель, экономист, инструктор-журналист — все он, попав в ленинский кабинет, оказывался вовлеченным в непринужденный разговор и рассказывал собеседнику свои наблюдения и соображения, будто целый век был знаком с Владимиром Ильичем.

Мы печатаем в сокращении воспоминания А. А. Виноградова и Б. Ф. Малкина, а также отрывки из мемуаров Альберта Риса Вильямса и В. Смольянинова.

В. И. Ленин на закладке памятки «Особое внимание к труду», Москва, 1 мая 1920 года (кинокадр).
(Из альбома, подготовленного к выпуску Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.)

Встречи с Ильичем

В. СМОЛЬЯННОВ

Н а мою долю выпала большая честь — работать под непосредственным руководством великого Ленина в качестве заместителя управляющего делами Совета Труда и Обороны по вопросам экономического и хозяйственного строительства. До этого я работал в Смоленской губернии, где руководил губернской советом народного хозяйства.

Моя первая встреча с деловой разговора с Владимиром Ильичем произошла 21 апреля 1921 года в его рабочем кабинете, куда я пришел после того, как очень недолго подождать в гостинице «Националь», находясь, как меня попросили из секретариата Совнаркома, «на телефонном расстоянии».

Сознаюсь, что тогда я впервые услышал это определение, и оно показало мне несколько загадочным. Потом, работая в Управлении делами, я узнал, что за этим не совсем обычным выражением скрывается большой и поучительный смысл. Дело заключалось в том, что не в обычное у Владимира Ильича было заставлять кого-либо себя ждать (он считал это неуважением к человеку), а потому в некоторых случаях он просил товарищей, желающих беседовать с ним, находиться у себя, но при условии, позволяющем в любой момент позвонить к ним и пригласить к Владимиру Ильичу. Это называлось на практике «быть на телефонном расстоянии».

Мне не пришлось сколько-нибудь ждать приема. Подозревая, что с сотрудниками секретариата Совнаркома, я увидел, как из кабинета Владимира Ильича вышел какой-то военный, и меня тут же пригласили войти.

При входе в кабинет В. И. Ленина меня прежде всего поразила строгость и простота обстановки этой небольшой комнаты. Казалось, что в ней нет ничего лишнего, все было расставлено в строгий порядок.

Когда я вошел, Владимир Ильич радушно меня приветствовал, указал на кресло и сказал: «Присаживайтесь». Сам сел напротив в плетеное кресло за своим столом, несколько придвинулся и с ласковой улыбкой пытно поговорил со мной, чуть прищурив один глаз. Владимир Ильич задавал мне несколько вопросов: когда я приехал в Москву, где остановился, есть ли у меня семья, и как-то незаметно стал расспрашивать о моей прежней работе. Мое волнение и попятная застенчивость прошли сразу.

На другой день я приступил к своей новой работе.

Первое знакомство с делами обнаружилось отсутствием материалов о работе местных Экономических советов. Эконо еще находились в стадии организации.

Когда об этом узнал Владимир Ильич, он тут же подписал телеграфное распоряжение.

Когда начали поступать материалы от местных экономсоветов, Владимир Ильич неизменно интересовался ими, нередко сам просматривал их или просил подготовить для него краткие выписки.

Особенное внимание уделял В. И. Ленин работе экономсоветов важнейших промышленных районов: Донбасса, Юго-Востока, Петрограда, Урала, Нижегородской губернии и др.

Приведу пример, который показывается, с каким вниманием относился Владимир Ильич к материалам губернского Экономического совета Нижегородской губернии, определив предполагаемую добычу торфа на 1921 год в 6 769 800 кубов.

Владимир Ильич вообще относился с большим вниманием к разработке торфяных залежей; эта цифра показала ему недостаточную надежность, и он поручил Управлению делами проверить ее.

Два телеграфных запроса были посланы председателю губернского, но ответа не последовало. Владимир Ильича всегда особенно волновали бюрократизм, волокита, небрежность. Поэтому в Нижнем-Новгороде он отправил телеграмму.

Телеграмма Владимира Ильича возымела действие, и вскоре от председателя губернского Экономического совета было получено письменное объяснение.

Следует сказать, что иногда Владимир Ильич считал вполне достаточной мерой наказания простой выговор или замечание, но он указывал, что каждый проступок человека не должен оставаться незамеченным, чтобы не выработалось у него сознание безнаказанности и безответственности.

тельное внимание к этому делу: подробно с ним знакомился, интересовался объемом и содержанием поступающих с мест материалов, терпеливо отбирал материал для публикации, и тем, насколько газета охватывает весь комплекс поступающих материалов.

Не один раз приходилось мне слышать от Владимира Ильича, что мало научиться издавать хорошую экономическую газету, надо еще уметь организовать главное — довести эту газету до массового читателя. Возможно, говорил Владимир Ильич, «Экономическая Жизнь» доходит до волостей, но она «засоряется на руках» у руководящих работников, поэтому задача состоит в том, чтобы сделать ее доступной широкому читателю.

Первые отчеты экономсоветов по «Наказу» СТО должны были поступить в конце октября — начале ноября 1921 года и дать материал, освещающий первый опыт реализации урожая в условиях новой экономической политики.

Именно этот вопрос представлял для Владимира Ильича исключительный интерес: он считал, что только по первым итогам можно проверить правильность законодательных мероприятий, внести нужные коррективы и дополнения.

Первый отчет поступил от Красноярского уездного экономического совещания.

Владимир Ильич поручил Управлению делами написать благодарности красноярцам и на этом письме сделал подписки:

«19 сентября
Уважаемый товарищ! Благодарю за присылку отчета раньше других. Очень прошу и впредь писать аккуратно».

И вторая подписка:
«19/IX
Уважаемые товарищи!
Присоединяю свою благодарность за присылку отчета ранее других и прошу быть образцовыми по отчетности и впредь».

В течение трех лет (1919—1921) нам в Центропечати удалось записать тринадцать речей Владимира Ильича на граммофонные советские пластинки.

С самого начала восстановления нами единственной в России Аппарельской фабрики (под Москвой) Владимир Ильич проявил очень большой интерес к делу граммофонной пропаганды и всячески помогал нам наладить это сложное, трудное дело, прося немедленно его известить, когда можно будет приступить к записи речей.

У нас сразу же возник всеобщий спор с Народным комиссариатом продовольствия, считавшим, что граммофонное дело должно служить для товарообмена с деревней, а не для политической пропаганды.

Спор был решен в нашу пользу исключительно благодаря вмешательству Владимира Ильича, который настаивал, чтобы это дело было широко поставлено.

Владимир Ильич много раз рассказывал, как он слышал политические речи в граммофоне в Швейцарии, а также об использовании граммофона во время предвыборной кампании в Америке.

Первое время мы записывали речи Владимира Ильича в Кремле в специально подготовленном помещении, последние же записи, в 1921 году, происходили в Центропечати, на Тверской, 38.

Сложность записи заключалась в том, что на каждую речь приходилось равнять три минуты, и Владимир Ильич особенно волновался, когда на предварительных черновых записках ему не удавалось «уложиться» в три минуты.

«Мне не хочется, чтобы пропала хотя бы одна секунда», — говорил он нашему специалисту, единственному тогда в России. — Вот вы увидите, в в следующие раз специально подготовлюсь».

И вскоре Владимир Ильич поразила всех нас той исключительно тщательной и внимательной подготовкой к записи, которую он проявил. Владимир Ильич произвел точное подсчет, сколько он слов в среднем произносит в минуту, добился нужной постоянной голоса и, являясь на все последующие записи со специально составленными речами, удовлетворявшими всем техни-

Альберт Рис Вильямс

Он любил их...

НАКАНУНЕ моего отъезда в Америку меня принял Ленин в Кремле. Как и всегда, в приемной его ждала самая разнообразная толпа: дипломаты, служащие, офицеры, корреспонденты и люди старого буржуазного типа. Нечего и говорить, что Ленин не мог испытывать никакого удовольствия от подобного общества. Он просто исполнял свой служебный долг, и исполнял его с возможной успешностью. У него была единственная связь только со своими товарищами на работе — рабочими и крестьянами, и он предпочитал отдавать все свое время только им. Когда же ему приходилось делать выбор, они были в первой очереди. Последний прием окончательно убедил меня в этом.

На тот раз в приемной было очень много народу. Своей очереди пришлось ждать очень долго. Это было необычайное явление. Ленин принимал очень точно — всегда в назначенное время. Оставалось предполагать, что какое-нибудь важное государственное дело всецело заняло его внимание.

Полчаса, час, полтора... Мы сидим в приемной, нетерпеливо ожидая, когда нас выведут. Между тем из кабинета Ильича глухо доносится до нас мерный темп голоса его посетителя. Кто же был этой персоной, удостоенной такого милостивого и долгого приема у Ленина?

Наконец дверь открылась, и, к общему удивлению и вопреки всем предположениям, в приемной появился не дипломат, не какой-нибудь другое высокое лицо, а косматый мужик в полушубке и лаптях — типичный крестьянский бедняк, каких можно было встретить миллионы в Советской стране.

— Простите, — сказал Ленин, когда я вошел в его кабинет, — это таковский крестьянин, и мы обсуждали с ним вопросы, связанные с электрификацией, коллективизацией и новой экономической политикой. Мне было так интересно узнать его мнение, что я совершенно забыл о времени.

Конечно, Ленин с его университетским образованием, с его тридцатью годами собственных произведений, много путешествовавший, теоретически знал бесконечно больше, чем мог знать этот таковский мужик. С другой же стороны, из суровой школы жизни и труда этот крестьянин внес много практических знаний — знаний, почерпнутых из жизненного опыта. Все у Владимира Ильича очень интересно. Ему важно было узнать мысли крестьянина, его отношение к тому или иному вопросу. Подобно всем истинно великим людям, Ленин охотно высказывал даже самого темного, неграмотного человека, который все же давал ему многое. Этим он расширял свою информацию от самых различных людей, из различных местностей. Забавно собирая тысячи фактов, он обдумывал их, взвешивал, сравнивал и анализировал. Это давало ему еще одно преимущество над врагами, которых он умел обходить удачными маневрированиями. Для Ленина было вполне ясно, что думает и чувствует сибирский крестьянин, красноярский или доносский казак. Он проникал в мысли и угадывал желания путающегося литейщика, волжского грузчика и московского текстильщика. Он говорил с ними лично или при посредстве надежного товарища. Он знал, что ему возможно поговорить с ним, и они действительно давали ему много.

Это была одна из причин, почему Ленин так охотно принимал посетителей. Другая причина заключалась в том, что он сам в свою очередь хотел познакомиться с новыми знаниями — знаниями движущих сил революции, знаниями того, как нужно строить социализм.

Еще более важной причиной было то, что он любил их, глубоко любил. И был любящим. В той же мере, в какой он питал отвращение к банкам и мажорам, паразитам и слугам капитализма, неграмотным и спекулирующим на ценностях, — он чувствовал любовь ко всем производителям ценностей: к рабочим по углям, камню и металлу, к труженикам полей и лесов...

27 ФЕВРАЛЯ 1920

Незабываемое

на приеме у Владимира Ильича Ленин беседовал с ним о нуждах сельских учителей. А. А. ВИНОГРАДОВ

Эта незабываемая встреча я представляю и сейчас, через много лет, отчетливо, зримо, до мельчайших подробностей.

Было это так...

В середине января 1920 года в Весьегонске проходил 2-й уездный съезд работников просвещения и сельскохозяйственной культуры. Я был тогда председателем исполкома Весьегонского уездного совета. В течение трех дней на съезде обсуждались злободневные вопросы работы и жизни учителей. Рассказывая о культурно-просветительной работе в деревне и городе, многие делегаты жаловались на крайне тяжелое экономическое положение учителей: не хватало хлеба, обуви, мануфактуры. Керосина мы получали лишь по два фунта на целый год. Иногда даже лекции и читательские конференции, а также занятия по ликбезу приходилось проводить при лучине.

Мы видели, что и хлеб, и некоторые другие товары есть на месте. Местные власти плохо заботились о нуждах интеллигенции, и съезд решил командировать делегата для ходатайства перед центральными органами об улучшении бытового положения учителей.

Ходком съезд избрал меня. Бережно спрятав наказ своих товарищей, я тронулся в дальний путь и через три дня был в холодной, заснеженной Москве.

27 февраля я направился в Кремль. Во дворец со своим мандатом я прошел свободно. В большом зале во втором этаже проходила конференция работников по внешкольному образованию. В перерыве я встретил Н. К. Крупскую, с которой был знаком. Надежда Константиновна внимательно выслушала меня.

— Вам надо поговорить с Владимиром Ильичем, — сказала она.

— Как раз это и есть цель моей поездки, — отвечал я, — но я слышал, что он сейчас очень занят.

Молодая Советская республика, как я узнал, находилась накануне войны с белополяками.

— Я все-таки пойду узнаю, когда Владимир Ильич сможет принять вас, — настойчиво проговорила Надежда Константиновна и отпустила меня в другую часть дворца. Через пять минут она возвратилась и сообщила, что Владимир Ильич примет меня сегодня же, как только закончится у него совещание. Она пригласила меня остаться пока на конференции и принять участие в ее работе.

На повестке дня, помимо, стоял вопрос о библиотечном деле. Обсуждали, какими мерами лучше приблизить книгу к рабочему и крестьянину и предотвратить надвигающийся книжный голод. Я уже «втянулся» в обсуждение библиотечной проблемы и даже записался для выступления в прениях, но скоро в зал вошла Л. А. Фотиева, секретарь Совета Народных Комиссаров, и сообщила Н. К. Крупской, что Владимир Ильич освободился и может принять делегата от весьегонского учителя.

Вместе с тов. Фотиевой я пошел через многочисленные комнаты дворца. Москва тогда переживала топливный кризис. Во дворце было холодно. Служащие были одеты в теплые. Всюду за столами кипела работа, и нас как будто не замечали...

Затем меня пригласили войти в кабинет. Я прошел в высокие белые двери. Владимир Ильич вышел из-за рабочего стола и с приветливой улыбкой сделал несколько шагов по направлению ко мне. Подав руку, он предложил мне садиться.

Меня сразу поразила простота этого человека. Ни тени смущения не испы-

тал я и в дальнейшем за все время беседы с ним, и чем дальше шел разговор, тем более хотелось говорить, говорить свободно и открыто.

Я изложил суть дела. Выслушав, Ильича задали мне вопрос: — А как ваши учителя относятся сейчас к Советской власти?

— Смею уверить вас, товарищ Ленин, — сказал я, — что в массе своей учителя никогда не было против Советской власти. Мы честно служим народу.

В то же время я рассказал о неполадках, которые были в уезде. Неоднократно кивком головы и словами: «Да, да... верно...», — Владимир Ильич одобрял меня.

Потом он спросил: — Учителя получают теперь декреты?

— Да, получают, — ответил я, — и в настоящий момент у учителя, работающего в деревне, в декретах большая потребность: крестьянин доверчиво и охотно идет к учителю за тем или иным советом или разъяснением. Отдел народного образования совместно с Весьегонским уездным комитетом, имея это в виду, приступил к распространению декретов в печатном виде по всем школам уезда. Учителя выкладывают непосредственными проводниками их в жизнь. Сознание крестьянина понемногу проясняется, и жизнь входит в свои берега. Но беда в том, что вследствие тех или иных обстоятельств распоряжения центра и декреты не всегда на местах выполняются.

— Скажите, книжечка Тодорского, ведь это о Весьегонском уезде написано? — спросил Ильич.

— Да, о Весьегонском, — ответил я. — Хорошая книжечка, — оживленно заговорил Владимир Ильич. — Я читал ее, и мне особенно понравилось, как Весьегонский уездником, отобрал мелочицу у какого-то мельника, поставил его же и управлять этой мельницей. Это совершенно правильный метод. Работа Весьегонского уездника заслуживает внимания. Я слышал, что большинство членов его — бывшие петроградские рабочие. Правда это?

— Да, правда. Правда и то, что недоразумения в нашем уезде в дни революции было сравнительно меньше, чем в других местах. Подобраны члены уездного комитета хорошо. Влияние на них оказало более развитый и образованный коммунист товарищ Тодорский.

— А где теперь Тодорский? — поинтересовался Ильич.

— В действующей армии, — ответил я.

— Передайте ему привет от меня, — попросил Ленин.

На все вопросы я дал точные и правдивые ответы. Особенно подробно пришлось рассказать о жизни учителей, их работе, лишениях и взаимоотношениях с местными организациями.

Выслушав все, Владимир Ильич тут же стал писать письмо в Наркомпрос. Он предложил мне лично передать его членом коллегии и, позвав тов. Фотиеву в кабинет, попросил ее телефонировать, когда меня могут принять в Наркомпросе. Через несколько минут тов. Фотиева доложила, что я должен прийти в наркомат через полчаса.

Когда Ленин писал, склонившись над столом, ничто не мешало спокойно наблюдать за ним. Владимир Ильич сидел ко мне в профиль. Лицо дышало энергией и нескрупулезной силой воли. Величайший коммунист, глава правительства огромного государства, Ленин одновременно был прост и так, казался, обыкновенным в своем пономанном сером клетчатом костюме... Я не отличил его в другом месте от мастера или инженера на заводе. До мельчайших подробностей мне хотелось запомнить черты этого человека, о котором так много тогда говорили и ныне говорят весь мир...

Как мы записывали голос Ленина

Б. Ф. МАЛКИН

Эти речи Владимира Ильича расходились в десятках тысяч экземпляров, и мы не успевали их изготовлять. Нам пришлось организовать при Центропечати специальный отдел «Советская пластинка» и впоследствии открыть вторую граммофонную фабрику в Петрограде.

Владимир Ильич имел обыкновенное перед каждой записью меня вызывая и внимательно расспрашивая, какие именно темы сейчас популярны, и вместе с ним составляли примерный список таких тем.

На X партсъезде Владимир Ильич пошел ко мне и просил подготовить большую запись «О новой экономической политике». Кроме того, он предложил через два дня сделать еще специальный доклад об аппарате Центропечати и об отделе «Советская пластинка». На докладе Владимир Ильич долго расспрашивал, главным образом о постановке распространения газет и литературы в деревне. «У вас самая мощная связь с страной, имейте в виду, что немедленно после принятия ВЦИКОМ декрета о продналоге нам придется через Центропечать бросить в деревню все, что мы сумеем издать. Используйте все ваши губернские, уездные и, главным образом, волостные отделения, используйте все ваши агитпункты, железнодорожные киоски и тысячи почтово-телеграфных отделений. О наших новых решениях должны знать миллионы, и масштаб работы нужно во много раз увеличить. Объясните всем нашим работникам, что мы возлагаем на них очень большую ответственность».

Немедленно после заседания ВЦИКОМ, на котором был принят декрет о продналоге, Владимир Ильич меня вызвал, и мы наметили ряд тем. На эту запись (она оказалась последней) Владимир Ильич пригласил пять речей: две речи о продналоге, о потребительской и промысловой кооперации, о концессиях и о развитии капитализма и последнюю речь о беспартийных.

Немедленно после заседания ВЦИКОМ, на котором был принят декрет о продналоге, Владимир Ильич меня вызвал, и мы наметили ряд тем. На эту запись (она оказалась последней) Владимир Ильич пригласил пять речей: две речи о продналоге, о потребительской и промысловой кооперации, о концессиях и о развитии капитализма и последнюю речь о беспартийных.

Наибольшим же успех имели речи Владимира Ильича «О крестьяне-середняках» (1919 г.), «О так называемой власти» (1919 г.) и о продналоге (1921 г.). Между прочим, две речи о продналоге Владимир Ильич пригласил еще до написания своей брошюры о продналоге, и эти речи имели колоссальное распространение. С изготовлением пластинок Владимир Ильич нас всячески торопил: «Нужно во что бы то ни стало скорее оповестить деревню», — и он был прав. Спрос на наши пластинки рос с каждым днем. Из деревень и из Красной Армии усиленно требовали их. — Вести о них широко распространялись среди крестьянства, и специальные крестьянские ходки признавали за пластинками; немедленно заводились в отделе граммофонов, и речь Ильича произвела потрясающее впечатление на крестьян. «Вот это нам и нужно. У нас в деревне эти речи верят больше, чем всякой газете», — обычно говорили нам крестьяне-ходки.

Последнюю запись по техническим соображениям пришлось организовать в самой Центропечати. У нас испортился аппарат, и запись пришлось отложить на несколько дней, а Владимир Ильич все время нас торопил.

Приготовив все к записи, я заехал за Ильичем в Кремль. Когда мы спустились вниз, Ильича была подана его машина. «Заем же нам на двух машинах ехать, я поеду с вами», — обратился он ко мне и свою машину отпустил.

«Только у меня к вам будет очень большая просьба, — как-то смущенно и виновато обратился ко мне Ильич: — Вы уж, пожалуйста, доставьте на вашей машине и обратно в Кремль...»

Мы все улыбулись.

Дорогой Владимир Ильич все время шутил и говорил, что мы «своими Наркоматом» (Центропечатью) «отхватили пол-Тверской». «В ваших руках все книжное богатство страны и вся печать. В Америке вы бы были синим кинжальным и газетным королем». Ильич, весело смеясь, спрашивал меня: «Верен ли анекдот, который про вас рассказывают, о том, что вы получили в Центропечати книжку стихов поэта Шершеневича «Лошадь — как лошадь» и отправили ее в Наркомзем по лошадиной части?»

Во время последней записи Владимир Ильич набросал целый ряд тем о новой экономической политике, наметив ряд товарищей, которые должны были эти речи произнести.

«Обязательно нужно записать все республиканское старосту», — сказал нам Владимир Ильич во время той же записи в 1921 году и тут же позвонил М. И. Калинин, прося его подготовить ряд речей для крестьян.

Благодаря Владимиру Ильичу, который усиленно пропагандировал граммофонную запись среди ответственных товарищей, нам удалось записать речи около 40 работников по важнейшим вопросам партийной и советской жизни. Эти речи раздавались на агитпунктах, на крестьянских сходках, в клубах, в Красной Армии и имели очень большое значение в нашей массовой агитационной работе.

Преодолевав исключительно большие трудности, вдохновляясь своей работой Ильичем, мы сохранили, кроме того, на вечные времена его дорогой для всех нас голос.

ПУБЛИКОВАННОЕ в «Литературной газете» стихотворение Бориса Слуцкого о поэтах и физиках послужило поводом для многих высказываний на недавней поэтической дискуссии в Ленинграде и явилось предметом ожесточенных нападок многих выступавших. Лев Ошанин в своем докладе повторил те же соображения, которые до того сформулировал в стихах, тоже напечатанных в «Литературной газете».

Мне кажется, и стихотворение Б. Слуцкого, и общее внимание к нему, и множество отрицательных, резких оценок — все это по-прежнему весьма симптоматично: Слуцкий затронул предмет, о котором многие из нас размышляют с тревогой; он скатил и без оценок высказал вслух мысли, таинские или недоуманные другими.

В этом стихотворении говорится об очень большом, видимом любому невооруженному глазу разрыве, существующем в наши дни между искусством и точным знанием. Если физика — да и не только одна физика, а все естественное знание в целом — пользуется у нашего общества исключительным вниманием, признанием и почетом, если естественное знание с сокровищницей смею сказать, разума пробирает на наших глазах все новые и новые оазисы в мироздании, атакуют небо и штурмуют тайные недра материи, то ведь ни одно из произведений современного искусства — ни поэма, ни симфония, ни роман, ни фильм, ни статуй — решительно не может похвалиться такими же ошеломляющими победами. Стихотворение Бориса Слуцкого констатирует этот разрыв, и в констатации современного положения вещей оно правдиво, с подлинным же верно. Слуцкий не анализирует, не ищет объяснений, не заглядывает вперед. В этом сила и слабость его стихов. Но о слабости речь будет впереди.

И право же, возражения Ошанина, сводящиеся к тому, например, что, дескать, у него есть личные друзья среди физиков, что эти физики не могут обойтись без его, ошанинских, песен, эти ребяческие признания решительно бьют мимо цели, не затрагивают существа дела.

С тех пор как напечатано стихотворение Слуцкого и прозвучала критика в его адрес, время прошло немалое. В условиях общего тепла нашей жизни срок этот представляется еще более значительным. Между тем, существо дела по-прежнему кровно касается всех, для кого наша культура не пустое слово. Я и хочу остановиться на существе дела, — спойкою, без обнаружения личного пристрастия, обиды и похвалы. Только такой разговор достоин нашей любви к своему призванию и гордости за общество, в котором мы живем и работаем.

Как же это произошло? Как случилось, что в борьбе за лучшее будущее человечества на линии огня оказались представители точного знания, с их логарифмическими таблицами, химическими формулами, электронными информационными, со всей аппаратурой, ими же созданными, — а не мы, служители муз, не мы, поэты, художники, музыканты?

Где мы были, какое рабочее утро мы проспали, на какой смотр не явились? Как в самом деле это произошло?

У всего на свете есть прошлое и есть будущее. Но прежде всего надо огорчить главное. «Поэзия» и «Физика» в нашем контексте суть дорожные знаки, под которыми подразумевается содержание, более широкое и устойчивое в культуре: искусство и точное знание — два разных метода познания мира. Обычно их трактуют, как диаметрально противоположные методы. Но сама эта противоположность возникла исторически.

Здесь-то и следует вспомнить историю. Вспомним, как начинался гуманизм под полуденным солнцем Возрождения. «Тогда», — говорит Энгельс, — не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому были важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации... К этим великим людям примыкает Энгельс прибавил сына архангельского рыбака, который предугадал атомное строение материи, и он же был автором первых русских генеральных планов о северном сиянии; прибавил великого немца — автора «Фауста», кроме того, наметившего законы морфологии растений и открывшего межчелюстную кость в человеческом черепе.

Итак, Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гете — три удивительных примера гармонического и поэтому беспредельно плодотворного развития человека. Вот что говорит о них Энгельс: «Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающего, кающееся действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках». В этом все дело! С той поры, когда жили и творили эти несравненные гении, время прошло немалое. Оно характеризуется чрезвычайно богатым накоплением опыта, знаний, мастерства во всех областях человеческой деятельности, научной, творческой, теоретической, практической, любой другой. Параллельно накоплению шла дифференциация опыта и знаний. Сама культура ветвилась на множество расходящихся потоков, рек, ручьев и ручейков. В культуре возникло новое явление: специализация! В этом диалектика развития культуры.

Специалисты, как известно, существуют разные. Специалист, следующий своему призванию и достигший в нем высокого совершенства, заслуживает всяческого уважения. Но специалист, ограничивший себя своей узкой областью, надевший на глаза шторы и потерявший из виду мир и жизнь, издавая является предметом сатиры. Если специалист первого типа — краса и гордость культуры, то специалист второго типа — тьма-тьмущая. Но чего греха таить, и у нас они имеются!

Зачем говорить о разрыве между физикой и поэзией, когда случается, что и химик не понимает физиков, биолог — химиков, строители технических конструкций — создателей канальной механики и так далее. Все это — общеизвестные истины, и все они стоят в одном ряду, теснясь друг к другу, как часток, скрывающий от глаз мироздания с его звездным небом, зеленой травой, красным солнцем! Знание культуры напоминает вавилонскую башню, где к смешению всех языков мира, живых и мертвых, можно прибавить многочисленные химические формулы, алгебраические уравнения, нотные знаки, радиоходы, дорожные знаки, сигналы флажками, позывные коротковолновых, — попробуй разберись в этой чертовой табуретке, если жизнь хваля!

Понимая эти строки — прощай во многих областях, выходящих за пределы его призвания (да, да, тот самый специалист, который...), но на старости лет его постоянно гложет тоска о малых пределах его осведомленности, о коротком сроке человеческой жизни. Сколько упущено зря, сколько не прочитано, не увидено своими глазами. Наверно, это знакомо каждому человеку. Это — результат дисгармоничного развития современного человека. И я не смею закрыть на нее глаза и не сознаюсь в ней, хотя бы перед самим собой.

Ну хорошо, предположим, я поэт, существо, исконно являющееся односторонним, односторонним, моя односторонность — мечты, грезы, слезы и прочая чепуха. Но ведь и химик, живущий где-нибудь в доме напротив, не похвалится тем, что пишет симфонию, как Борозин (бывший химиком!). И старый врач из моей районной амбулатории не тешится написать «Палату № 6», как Чехов (бывший врачом!). Скажут, что примеры Борозина и Чехова — исключения. Вер-

но, по речи идет о тенденции, о стремлении, о направлении развития. Это направление уводит в сторону от возможностей Борозина и Чехова.

Все мы в этом смысле равны, все одинаково обречены в клетках своих призваний, профессий, специальностей. И это решающая черта в нашем общественном поведении и в нашей деятельности.

Вернемся к стихотворению Бориса Слуцкого. Как уже сказано, в нем уловлена правда жизни. Оно — точный снимок с нее, снимок моментальный, если угодно, документальный и вот именно поэтому не до конца достоверный. В искусстве (в противоположность фотографии) достоверно только одно: диалектика развития. Речь идет о точке зрения исторической, о знании прошлого и об умении предвидеть будущее. Пусть поймут меня правильно, здесь нет и тени упрека в адрес Б. Слуцкого, он сделал свое, и сделал талантливо, хотя бы потому, что вызвал людей на спор.

По его следам и начинается этот серьезный разговор, который должен быть продолжен и будет продолжен. Разговор о нашем гуманизме, о тенденции его развития, то есть о синтезе, который снимает антинomio «поэзии» и «физики».

Почти физически ощущая облик нового, коммунистического общества, мы предвидим в нем несравненно возможное для гармонического расцвета человека. Предвидим такое развитие способностей и дарований, когда никакая, самая узкая и изощренная специализация, никакое самоотверженное следование призванию не отнимут у человека ни досуга, ни воли (то есть страсти!) к широкому познанию мира в его общих закономерностях.

Человек будущего предсказан Леонардо Ломоносовым, Гете. Это человек, которому математический анализ также не чужд, как симфоническая музыка, палитра с красками — как ток высокого напряжения.

Что же это значит применительно к поэзии?

Поскольку речь идет о нашем собственном доме, здесь следует уже в сегодняшнем дне увидеть ростки будущего. Если для поэта нашего времени не звучат музыкой и ритмом текущая вселенная Гегелю и движение меченых атомов в квантовой системе — значит, он еще не пост нашего времени. Если он еще не провел бессонных ночных часов, пытаясь (хотя бы пытаясь, большого не спросишь с него) проникнуть в тайны материи, разгаданные физиками двадцатого века, — значит, он предпочитает плестись в обзоре армян, покоряющей природу. Если электронная машина кажется ему громоздким шкафом, в котором неизвестно зачем моргают зеленые лампы, — значит, он не узнал а лицо покоренного врага и будущего верного друга.

Наше дело и наша обязанность вести читателя за собой в этот еще таинственный для нас самих мир новой гармонии и новой красоты. Для каждого, кто все еще хочет раздвинуть свой кругозор, результаты скажутся сами собой. Они сами обогатят поэтический язык поколения, наше воображение и ритмику.

И к сказанному здесь о поэте обращено и к физикам!

Им тоже следует помнить, что мироздание не ограничено пределами точного знания, не замкнуто в кругу привычных им формул, порядком абстрактных чисел. Девятая симфония Бетховена и «Медный всадник» Пушкина далеко превосходят своей мощью не только самые лучшие рефераты Пулковской и космической ракеты.

Правда, физики могут возразить:

«Эк, куда хватили! Кто же сомневается в Бетховене и Пушкине? Мы лучше покажем, что-нибудь мало-мальски похожее в современном искусстве!»

На это мы ответим, что любое сегодня в любое время представляется современникам в виде горного потока, в котором преломляется солнечный свет, но не так-то легко отличить в нем великое от малого. Узнавайте, ищите, вычитайтесь. Может быть, вам и повезет, а вместе с вами и нам.

Но пусть об этом говорят сами физики. Мы ничего не подсказываем друг другу.

ПИСЬМО Фотограф Г. Курсы

АМО САГИАН

ШИПОВНИК

Дождями отмытая добела, Стараньями тысячелетий над входом Над мрачным ущельем нависла скала Тяжелым каменным небосводом.

Из толщи ее, зеленый, живой, С рождения небесной не видевший сини, Вырос шиповник вниз головой, Жилец одинокий воздушной пустыни.

Ненадолго трепал его бури шквал, Не внял он в жару, не адел с жаром. Лишь бледный, рекой преломленный луч На нежной листве трепетал порою.

Беда настала со всех сторон, Но в хрупком стволе закалили соки, Под тяжестью птицы сгребали он, Но стойко стоял против бурь жестоких.

Вцепившись корнями в каменный свод, Как будто бы связанный с ним канатом, Встречал он цветением весны приход И горный простор насыщал ароматом.

Он льстит еще, век прожить готов, Цветок за цветом распускал робко, А осенью росысып красных плодов Покроет бегущую в бездне тропку.

Поревела с армянского Т. СПЕНДИАРОВА

На повестке дня — очерк и рассказ

КОРОТКИЙ рассказ о состоянии культуры в Украине — в политическом, правовом, эстетическом и т. д. Хочется видеть такими и литературных героев. Но для этого прежде всего писатель сам должен быть высококультурным, вдумчивым, можно сказать, мудрым. Многому научиться, говорить и думать, это значит самому много знать и непрерывно узнавать. Это же мысль подчеркивал в своем выступлении один из старейших украинских литераторов П. Панч. Писатели, которые не заботятся о своем духовном росте, сказали он, могут очутиться в обзоре советской культуры...

Говорилось на пленуме и о путевых зарубежных очерках (А. Полторацкий), о таком «поджанре» документально-очерковой литературы, как литературная запись биографий «бывалых людей» (В. Минко), многие отметили не внимание критики к «малой» прозе...

Мы до сих пор еще не сказали о докладе Д. Копицы «Наша современность в жанре рассказа и очерка». К сожалению, доклад при всей его обстоятельности был слишком «запасом» (это отмечали участники прений). Трудности перед Д. Копицей стояли, безусловно, большие: чуть ли не впервые собрать огромный и разнообразный материал, проанализировать его, сделать определенные теоретические обобщения. Но в докладе конкретный анализ и теоретические рассуждения оказались слабо связанными друг с другом: докладу вообще не хватало проблематики...

По второму вопросу повестки дня — об усилении общественных форм работы в писательских организациях Украины — выступил Ю. Смолюк. Главное дело писателя, — разумеется, книга. Но без общественной деятельности нет и творческой работы, нет жизненных тем, проблем, сюжетов. Идет ли речь о сотрудничестве в газете или встречах с читателем, о зарубежных поездках или депутатской работе, об участии в деятельности издательства, секций и т. д. — все это формы связи писателя с жизнью. Во всем этом нужно видеть гражданскую миссию советского писателя.

Р. Братуню особо подчеркнул необходимость систематического участия писателей в прессе. Справедливости ради требуется отметить, что особенно оживленной сейчас. В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» говорится: «Пропангад идея коммунизма должна быть близкой и понятной трудящимся, носить задушевный характер, доходить до ума и сердца каждого советского человека, будить в нем самые светлые и благородные мысли и чувства». Писатели — помощники партии — не могут стоять в стороне от этого важного дела.

Было высказано немало конкретных предложений по улучшению внутрисоюзной работы. В. Соколов (Сталинград), Р. Братуня (Львов), С. Загородний (Днепропетровск), М. Бурбак (Черновцы), Ю. Валера (Ужгород) и другие говорили о жизни областных писательских организаций, о необходимости укрепления связей между столичными и областными литераторами.

В прениях участвовало около 30 человек, в том числе Н. Лесковичева (Москва), Я. Брыль (Белоруссия), А. Саар (Эстония), украинские литераторы П. Загребельный, Ю. Барабаш, И. Цюла, М. Шумило и другие. О некоторых тенденциях и задачах современной украинской повести, очерка и романа, при всех их достижениях, еще много сухой опастельности, скудной зарисовочности.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

Каких выдвигают писатели своего героя? Умеют ли они уловить характерные черты современности? Жизнь наша стремительно развивается. Каждый день приносит что-то новое, говорит В. Соколов. А вот прочитав я в журнале «Дніпро» и «Жовтень» около тридцати рассказов и этого не почувствовал. В очерках часто описываются люди бригад коммунистического труда, и получают они в большинстве своем уныло похаживают друг на друга. А все потому, что писатель подходит к «материалу» с предвзятой схемой, не думает, не ищет.

ПОЛЕМИКА О неверном понимании Чехова и странных методах дискуссии

В ЖУРНАЛЕ «Октябрь» (№ 1, 1960) появилась статья Л. Малигиной, полемизирующая с моей книгой о драматургии А. П. Чехова.

Изучение чеховской драматургии с ее богатством, сложностью, новаторским своеобразием настоятельно требует научных дискуссий. Но статья Малигиной дает материал не столько для творческой дискуссии, сколько для суждения о том, каково не должна быть наша творческая дискуссия. Автор не выдвигает никакой позитивной концепции чеховской драматургии; о ее собственной точке зрения можно судить лишь по направленности полемических рассуждений да по некоторым разрозненным высказываниям. Когда же эта точка зрения становится ясной, то она оказывается не новой, и не собственной, а очень старой. Перед нами воспроизведение распространенных в свое время представлений о Чехове, как об умилительном носителе благостного пессимизма на шнурочке, сумеречном певце достоинств и милых слабостей современной ему интеллигенции, утешающем ее, подобно старой няньке из «Дяди Ваня», прислугой «липовым чаем». Поскольку, как сказано, эта точка зрения выявляется лишь в полемическом потоке, постольку нам придется заняться этим потоком. Здесь нас ожидают удивительные обстоятельства.

Вот Малигина полемизирует с моей трактовкой образа Иванова из одноименной пьесы. «Как же трактует эту фигуру Ермилов? Он не находит для Иванова ни одного доброго слова. По его мнению, этот человек заслуживает только осуждения и презрения», Малигина уверяет, что Ермилов «беспощадно обличает Иванова и в то же время явно симпатизирует его идейному противнику — доктору Лыбину». Ермилов даже «смотнул» на Иванова глазами Лыбина — «безупречного, но бездушного», и «судит Иванова не как исследователя, интересующегося социальной болезнью века, а как сына своего перепивавшего пунжа за пунктом его «преступления» против общепринятой морали».

Однако я писал в моей книге ниже-следующее: «Все сплетни о сознательной подлости Иванова не соответствуют действительности. Обывательщина любит злорадоваться над падением вчерашних передовых, необычных для нее, идейных людей». Я указываю в книге, что «Иванов, как личность, не такой уже слабый человек. Мы верим тому, что он был силен, смел, горяч, дерзок и что именно за это так глубоко его полюбила бедная Сарра, что ждала. Слаб не он сам — слаба его позиция в жизни. Вот почему Чехов относится отрицательно к тому разоблачению, которым непрерывно тиранит и казнит Иванова доктор Лыбин». Я отношу Иванова к числу «даже лучших людей из интеллигенции старого типа», но капитализирующихся перед действительностью. Ясно уже и из приведенных цитат, что я рассматриваю Иванова не как слепого слепого, а как человека, который сам по себе не так плох, а именно и прежде всего как носителя «социальной болезни века».

Точно так же уже и из приведенных цитат видно, что я не смотнул на Иванова глазами доктора Лыбина. Я подчеркиваю в книге «бесплодность» позиции Лыбина, бесплодность его критики Иванова... Он не может предложить ничего нового, положительного... Лыбин по своей социальной, идейной позиции, — это всего лишь прежний Иванов, но без таланта и пиристы последние. У Лыбина уже «отравлена душа. Какой же выйдет из него деятель, борющийся со злом? Мы чувствуем слабость, непрочнось Лыбина... Поэтому Лыбин так грубо ошибается, обвиняя Иванова в том, что тот сознательно направляет свою волю в сторону зла... Чехов... не знает, каковы новые идеалы, которые он сам так недавно разделял и которые составляли теперь уныло-догматический пафос узкой позиции Лыбина».

Иванов судит самого себя неизмеримо строже и беспощаднее, чем судит его Лыбин, и как раз в этом — своеобразие их отношений. Если бы Иванов вел какую-то личную борьбу со Лыбиным, то о каком же драматизме или трагизме Иванова могла бы идти речь? Он был просто мелководным самовлюбленным позером. Но в Иванове, даже в пережив-

вом искажении «критикуемой» книги) связана с непониманием диалектической противоречивости художественных образов. Малигина исходит из принципа или — или. Если я признаю поступки Иванова в период его падения объективно преступными, то я уже никак не могу считать Иванова субъективно весьма далеким от какою бы то ни было преступности. В таком подходе Малигина солидаризируется с доктором Лыбиным. Если я считаю Лыбина субъективно честным человеком, то, по Малигину, я уже никак не могу считать его позитивно бездушным. Если в пьесе есть столкновение персонажей, то, по Малигину, во-первых, оно обязательно является «борьбой»; а во-вторых, критик обязательно должен стать «на сторону» того или другого героя. Малигина пишет: «Своеобразие пьесы в том, что в борьбе разоблачающего обличения нормы морали Иванова с безупречным Лыбиным наши симпатии на стороне Иванова, а не Лыбина».

Но никакой борьбы Иванова со Лыбиным в пьесе нет. Если считать Лыбина «идеальным противником» Иванова, то придется признать идеальное превосходство Лыбина: ведь он занимает «левую», по-видимому, либерально-радикальную позицию, а к тому же Иванова, переживая разочарование в этой позиции, с иронической горечью выставляет себя сторонником самой закорюченной обывательщины. Именно за это, кстати сказать, и ухватился хитрец Суворин, не пожелавший заметить горькой самоиронии в явно реакционных рассуждениях Иванова. Иванов не ведет идейной борьбы со Лыбиным потому, что не знает, какие новые идеалы можно противопоставить тем идеалам, которые он сам так недавно разделял и которые составляли теперь уныло-догматический пафос узкой позиции Лыбина».

Иванов судит самого себя неизмеримо строже и беспощаднее, чем судит его Лыбин, и как раз в этом — своеобразие их отношений. Если бы Иванов вел какую-то личную борьбу со Лыбиным, то о каком же драматизме или трагизме Иванова могла бы идти речь? Он был просто мелководным самовлюбленным позером. Но в Иванове, даже в пережив-

аемый им период падения, сохраняет нечто от крупного человека, живущего «по большому счету». Малигина, произносящая немало громких слов о трагизме Иванова, и здесь жестоко побирует сам себя. Что же касается его представления о «симпатиях» к Ивановой, вызываемых Чеховым, то здесь-то и выступает во всей своей трагической липовый чай с запахом полужелтой липы.

Чехов скорбит об Иванове, но и сурово осуждает своего героя, — не за то, что тот разочаровался в своих прежних идеалах, а за его неспособность и нежелание искать новые пути; именно в этом и состоит его падение: не в ренегатстве по отношению к прежним идеалам, а в ренегатстве по отношению ко всем большим социальным идеалам. Чехов ставил своей целью перед интеллигенцией тот же вопрос, который он вкладывает в уста повествователя из «Рассказа неизвестного человека»: «Отчего мы, упавши раз, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищем другого? Отчего? Я привнес в мою книгу высказывание Чехова о той цели, которая руководила им в создании его пьесы: он «ледел дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях и своим Ивановым положить предел этим писаниям». Я привожу в конце слова Горького о ноющих чеховских персонажах: «Иногда в их серой массе раздается выстрел, это Иванов или Треплев догадывается о том, что им нужно сделать, и — умерли». Я привожу также слова Чехова о реакционных книгах и идеях, помогающих «дьяволу» разжигать слепых и молчаливых, которых мы называем интеллигентами». Малигина не рискует прямо полемизировать ни с Горьким, ни с Чеховым, хотя фактически полемизирует с ними обония. Малигина, в частности, предпочитает сделать вид, что это Ермилов придумал столь резкие, столь «нечеховские» слова о ренегатствовавшей интеллигенции. А ведь творческая дискуссия предполагает хотя бы смелость.

По поводу «Чайки» мой оппонент заявляет, что Ермилов «верно определяет главную тему пьесы как тему жизненного подвига, тему призыва и искусства, а не любовь, не личную драму Ирины Заречной». Но и в тех случаях, когда Малигина соглашается со мной, я не могу согласиться с ней. Я вовсе не противопоставляю тему жизненного подвига, призыва, искусства — теме любви, а, наоборот, стремлюсь раскрыть глубокую внутреннюю связь этих тем в пьесе. Малигина не видит этой связи, не слышит важнейшего лирического мотива «Чайки», и, конечно, нам жаль его: глухоту нельзя компенсировать ничем,

если это не глухота Бетховена. И, во всяком случае, глухоту невозможно возместить передергиваниями. А по этой части в статье Малигина начинает разыгрываться нечто уже исключительное.

Малигина обвиняет меня в «модернизации» Нины Заречной. Подметит уверяет, что «Ермилов пишет: «Он (Треплев) — Л. М.» говорит Нино в финале: «Вы нашли дорогу, вы спасены, а я погиб» (стр. 99). Но в пьесе Треплев говорит Нино: «Вы нашли свою дорогу, но не говорите «вы спасены» отсюда начинаются новые домыслы: на следующей странице спасаясь Нино Заречная становится уже победительницей...»

Таким образом, мой первоначальный «домысел», из которого вытекают и прочие мои модернизаторские домыслы, заключается, по Малигину, в том, что я произвольно вложил в уста Треплева слова: «Вы спасены». Но откроем страницу 99-ю моей книги, на которую ссылается Малигина. Мы не обнаружим на этой странице каних бы то ни было слов Треплева. Треплев, Треплев, которую имеет в виду Малигина, из цитаты Нино ни приводит начало: «Вы нашли свою дорогу», — эту реплику я привожу, разумеется, в точности так, как она есть в пьесе (на другой, 92-й, странице моей книги). Вот эта реплика, как она приведена мною и как она написана Чеховым: «Вы нашли свою дорогу», — говорит он Нино. — вы знаете, куда идете, а все еще ношу в хаосе грез и образов, не зная, для чего и кому это нужно. Я не верю и не знаю, в чем мое призвание».

